

УДК 371

Феномен русской духовности в контексте современного образования и воспитания

Горшкова Валентина Владимировна

Доктор педагогических наук, профессор, декан факультета культуры,
заведующая кафедрой социальной психологии,
Санкт-петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
192236, Россия, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: vvgorshkova@yandex.ru

Аннотация

Данная статья является своеобразным откликом на тезис президента страны о необходимости актуализировать «духовные скрепы» в процессе жизнедеятельности взрослых и детей, что будет способствовать усилению и сохранению национальную безопасность России. В статье представлен философско-практический контекст понимания и осознания сущности духовного восхождения человека в деятельности современного педагога.

Ключевые слова

Феномен русской духовности, духовный опыт человека, новая философия воспитания, человек как субъект духовно-практической жизнедеятельности.

Введение

Актуализация феномена духовности современного человека связана с проблемами, вызванными современной постмодернистской эпохой –

деантропологизацией реальности, ввергающей человека в противоречия между современным технологическим потребительским обществом и истинной природой человека, его культурой. Модернизация образования России

в новой парадигме «развивающегося образования» направлена на изменение направленности образования не только в русле расширения доступа к информационным технологиям, но и создание возможностей, пространства взаимодействия на основе ценностей, поддерживающих жизнь, поиск инноваций, повышающих качество человеческого потенциала, творческих способностей современного человека.

Обращение к феномену духовности, произнесения слов «дух», «духовная жизнь», «духовное совершенство», «духовный мир» и т.п. в сознании создает адекватное этим словам впечатление утраты предметности. Действительно, «духовность», «дух» – понятия метафизические, не имеющие конкретных материальных референтов в предметном мире. «Все возможно – и удастся все, но главное – сеять души в людях» (А.Платонов).

Подобное, безреферентное мышление есть подлинно философское мышление, имеющее дело с небиологическими бесплотными сущностями. Так, «дух» может мыслиться как «сила самоопределения к лучшему» (И.А.Ильин), «духовность – как «жизнь духа», совершенно непости-

жимая и независимая от человека» (А.Мень). Может создаться впечатление, что референтами духа выступают «жизнь» и «сила», однако эти термины, заимствованные из биологии и физики также не определены и не имеют референтов.

Жизнь духа непостижима в том смысле, что невозможно получить ответ на вопрос «почему?», обращенный к духу. И не потому, что этот ответ недоступен человеку, а потому, что этого ответа в принципе нет, ибо дух абсолютно свободен, для него не существует причины, а вопрос же «почему?» требует поиска причины.

Однако можно пытаться получить ответ на вопрос: «Как проявляется жизнь духа, духовность в жизни конкретного человека?» На этот и производные от него вопросы педагогика и андрагогика ищут ответы с целью понять человека, поддержать обнаруженные в нем проявления духовности, создать условия для их актуализации и развития. Именно в этом плане духовность становится педагогической проблемой, если речь идет о детях и подростках, и андрагогической проблемой, если речь идет о взрослых, то есть становится предметом педагогики и андрагогики.

Проявление духовности в контексте образовательных и воспитательных процессов в жизни человека

Данная публикация, носящая характер постановки проблемы, ограничена только осмыслением многообразия проявлений духовности в реальной жизни человека, то есть многообразия феноменов жизни духа. Известно, что подобная мыслительная, исследовательская деятельность в контексте философии носит название феноменологии духовности, или феноменологии духа.

В мире духовных богатств нет пределов роста, но если мир природный можно описать количественно, то мир духовный описывается только качественно. В нем нет понятий «больше», «меньше», а только «есть» или «нет» духа. Поэтому, например, каждое проявление феномена духовности представляет для взрослого (воспитателя, педагога, родителя) открытие духа в ребенке, подростке, любом другом человеке, обнаружение своеобразной «искры божьей». Именно наличие или отсутствие этой «искры» способна обнаружить феноменология, что служит необходимым основанием для того или иного характера организации

образовательно-педагогической работы. Обращение к русской духовности выглядит как обращение к уникальному духовному явлению в мировой культуре, как способу самопознания русского народа, как философии русской школы. Подобная акцентуация имеет достаточные основания исторического и актуального порядка.

В контексте теоретического анализа необходимо развести российскую педагогическую мысль, российскую систему образования, с одной стороны, и русскую школу, ее жизнь, с другой. Если обратиться к философско-онтологической наполненности этих сторон, то первая нуждается в плюрализме философских учений и за счет этого в открытости ко всему новому, нетрадиционному. Жизнь конкретной школы, наоборот, возможна только на основе определенной, окончательно избранной философской ориентации. Современная педагогическая мысль России предстает в виде бессистемного набора философских концепций от позитивистских, экзистенциальных, психоаналитических школ Запада до философских учений, в том числе и конфуцианства Востока с едва заметными следами русской философии как духовности. В этом «философском конгломерате» ничего вредного

для системы образования фактически нет: поскольку идет междисциплинарный поиск взаимодействия и диалога культур. Опасность состоит в другом: в русской школе давно и основательно утвердился позитивизм самого непродуктивного толка, почти континентского варианта.

Вытеснение из жизни русской школы традиционной русской философии как духовности философией западной как рационализмом началось еще при жизни К.Д.Ушинского (например, его статья «Как сделать русскую школу русской»). Этот деструктивный процесс по известным причинам принял в последнее десятилетие угрожающий характер. Внедрение позитивистской философии находит свое проявление в чрезмерной индустриализации, технологизации образовательного процесса, информационном инструментализме: все средства оказываются конструктивными для приобретения знаний и просто информации. Все эти «новаторские», как правило, зарубежные технологии в большинстве своем не опираются на национальную культуру, обычаи, традиции, народный опыт, не имеют духовно-нравственной основы, страдают облегченностью содержания и, как правило, не затрагивают глу-

бинные основы в душе человека. Им чуждо духовное зрение, способность увидеть внутреннюю, душевную работу участников образовательного процесса: радость открытий, таинство неизвестного, сомнение при встрече с Истиной, сопереживание чувствам ближнего.

Процесс вытеснения национальной философии не мог не сказаться на национальной культуре. Вместе с философией оказались вытесненными понятия, несущие фундаментальный смысл русскости, мировоззренческое содержание национальной идентификации народа – «русский дух», «русская Душа», «русский характер» и т.п. Современные исследователи русской духовности (И.Ф.Гончаров, А.А.Корольков, Н.Д.Никандров и др.)¹ сетуют по поводу того, что с трудом входят в речевой оборот словосочетания «русская школа», «русская педагогика», «русское образование». В силу определенных причин эти понятия оказались нагруженными негативно несвойственными им смыслами великодержавности, шовинизма, национализма и др.

1 Никандров Н.Д. Российская национальная идея – основа воспитания // Воспитание духовности и патриотизма: диалог концептуальных идей. – Петрозаводск, 2010. – С. 4-7.

К движению за возвращение русскому образованию его духовно-нравственной основы, подлинно национальной философии в виде русской духовности должны быть причастны взрослые, в том числе педагоги, родители, учитель. В этом случае нужна не столько государственная, сколько общественная активность и ответственность.

В связи с этим первоочередными выявляются две проблемы. Первая – это полная неосведомленность рядового специалиста образования и воспитания в вопросах русской философии духовности, ее принципиального отличия от других типов мировоззрений Запада и Востока. Русская духовная философия не только не усвоена педагогами и учителями в результате полученного образования, она даже не фигурирует в числе форм философствования в современной мировой культуре. Абсолютная ориентация на западную форму философствования формирует у выпускников педагогических и гуманитарных вузов усеченную картину мира и его духовной жизни. Будущие специалисты не осведомлены, что в контексте современной духовной культуры присутствуют, живут, развиваются и взаимодействуют разнообразные типы

философствования, типы духовности.

Русская философия – это самоценное, самодостаточное духовное явление в мировой культуре, возникшее и сформировавшееся как самопознание русского народа, его культуры, образа жизни на многовековом историческом пути. Если восточная философия – это мудрость, западная – рационализм, дискурс, логика, то русская – духовность. При этом право на подлинную интерпретацию понятия духовности в ее русском варианте принадлежит только русской ментальности, так как западной и восточной культуре понятие «духовность» в принципе остается непонятным.

В силу методологической несовместимости традиционно сложившихся представлений о сущности человека (как исходно-глубинной точки всякого философствования) сформировались во многом своеобразные, а подчас противоположные формы мышления, несовместимые ценности. Так, китайский иероглиф, обозначающий человека, представляет его как «человека в строю», человека рядом, выровненным с другими, подчиненным единой воле Бога, императора, национальной идее и т.п. Человека как отдельной фигуры для китайско-

го менталитета не существует. Для русской ментальности человек – это человек в общине, в коллективе (не в строю), в общем деле, в общей молитве за всех. Отсюда и неизживаемое убеждение, что русская общеобразовательная и высшая школа должна не только обучать, но и воспитывать, она должна быть местом встречи в духовном пространстве межсубъектного события. Л.Н.Толстой называл это «духом школы». Для западной ментальности человек – это хозяин своей жизни, индивидуалист, рассчитывающий только на себя.

Посмотрим, как преломляется один и тот же артефакт сквозь призмы различных представлений о человеке. Так, роман Д.Дефо «Робинзон Крузо» в сознании западного человека, в общественном сознании Запада произвел революционный переворот. Это событие относят к эпохальным, так как оно обозначило начало новой эпохи в самоидентификации западного человека. В России он остался до сих пор книгой для детей и сценарием для фильмов, которые снимают детские студии. В Китае эта книга, став известной лишь в новейшее время, отнесена к разряду фантастики. Как видно, трехвековое осмысление подвига Робинзона ничего не изменило

и, вероятно, не изменит в его оценке различными типами ментальности, несмотря на инновационно развивающиеся процессы глобализации.

Именно поэтому грубое, навязчивое, силовое внедрение в русскую жизнь и сознание человека идей рынка в их западном, индивидуалистическом исполнении вносит неуправляемый хаос в русскую душу, искажает её экологию и, в конечном итоге, разрушает ее. Возможно, в этом одна из главных причин тех потерь и катаклизм, которые сопровождают Россию в последнее десятилетие.

Может ли высшее и поствузовское образование полностью решить проблему философской подготовки педагога? Разумеется, нет. Усвоение русской философии как духовности – не сводится только к изучению ее: это самопознание образа жизни, ибо все проблемы этой философии – проблемы собственного жизнестроительства, личной судьбы в ее связи с народом. Подобное усвоение возможно только в результате самостоятельной непрерывной систематической работы над философским, культурологическим наследием, над собой при соответствующей организации консультативной помощи. Однако в профессионально-образовательной

системе подобная консультационная работа не только не организована, но даже вопрос об этом пока не ставится, как в сфере педагогической подготовки специалиста, так и в сфере общего образования взрослых.

Вторая проблема – неразработанность теории и методике духовного образования и воспитания. Большинство рекомендуемых методик носит характер мероприятий в сочетании с тренингами, дискуссиями, тестами. Не отрицая наработанного, представляется в качестве исходного следующее положение. Для разрабатываемых нами онтологических подходов, для педагогики Бытия важно, чтобы взрослый (воспитатель, родитель, учитель), используя личный опыт, знания, интуицию, выработал в себе определенную установку, доминанту на духовность. Он должен учить себя безошибочно «опознать», констатировать у того или иного человека наличие или отсутствие признаков, задатков потенциалов духовности, предрасположенности к ней, а может быть, и наличие зрелой духовности в ее выражаемом русском варианте. Для педагогики Бытия это – проблема базовая, ибо она не преследует цели преобразования духовного мира, воспитания и перевоспитания посред-

ством внешнего воздействия. Вся ее методика основана на обнаружении, поддержке, росте, динамике имеющихся предпосылок природного и онтогенетического порядка.

Методологическая идея возможности методики духовного воспитания вообще, феноменологического описания духовного человека в частности, основана на следующем. Обращение к феномену и понятию духовности обязывает всякого (говорящего и пишущего) к особому такту, сдержанности, глубокому размышлению и почитанию. Абсолютно недопустима менторская позиция в разговорах, беседах, диалогах о духовности в силу очевидного факта духовного несовершенства каждого человека. Единственно возможная позиция в данных случаях может быть выражена вечным и до конца неразрешимым вопросом: «Как жить, что делать мне, нам всем вместе, как нам измениться, чтобы духовное обновление, совершенствование стало непрерывным способом жизни?» То есть исходная позиция – в признании собственного духовного несовершенства, отчуждения от духовных усилий, уникальности собственного внутреннего мира. В рамках религиозного сознания это находит проявление в признании из-

начальной и приобретенной греховности человека. В светском сознании это выходит на признание идеи и разработке теории деградации взрослого человека².

В целом, трудность разговоров, размышлений о духовности вполне естественна: речь идет об основах человеческого бытия, о том атрибуте, благодаря которому человек природный («дитя природы») становится человеком культуры, его бытие становится подлинно человеческим. Духовность – это подлинно человеческое в человеке. Но каково содержание – этого «человеческого»? Оно, очевидно, неисчерпаемо ни в гносеологическом, ни в практическом планах, поскольку несовпадение между человеком совершенным и человеком реальным практически непреодолимо. В силу этого, как нам представляется, научное толкование термина «духовность», строго теоретическое раскрытие его содержания фактически невозможно и бесперспективно. Определение понятия «духовность», постижение самого феномена духовности возможно лишь посредством описания (но не объяснения, не обоснования), точ-

2 Горшкова В.В. Образование взрослых в контексте культуры: феноменологический аспект // Педагогика. – № 7. – 2011. – С. 43-48.

нее, феноменологического описания. Короче говоря, невозможна научная теория духовности, но возможна феноменология ее, то есть описание тех проявлений духовности в жизни человека, которые доступны фиксации посредством органов чувств, интуиции, осознания понимания, глубинного общения, посредством духовности. Эти проявления, как известно, носят название феноменов.

Возможна и иная интерпретация феноменологии духовности. Известно, что этимологическое, терминологическое и сущностное понятие духовности происходит от Духа, истолкование которого в религиозных и философских учениях различно. Однако, относительно духовности Дух для всех выступает онтологической основой, или субъектом. Посредством духовности Дух заявляет о себе. В частности, в контексте данной проблемы Русский Дух заявляет о себе посредством Русской Духовности. Если придерживаться последней интерпретации, то предложенное в данной публикации феноменологическое описание духовности в формате онтологического содержания, есть своеобразная «технология» актуализации и становления духовной активности человека.

Таким образом, практическая сторона предлагаемой «технологии» представляется в определенном виде, когда воспитатель, педагог, любой субъект образовательного процесса могут судить об уровне, об элементах духовности всякого человека на основе «опознания», узнавания и, возможно, более полной характеристики ее проявлений (феноменов), причем проявлений, наиболее характерных, типичных, не вызывающих сомнения. В определенном смысле этот путь недостаточен, чтобы исчерпать содержание духовности, но это важные предпосылки, это то, что дано и на что можно рассчитывать.

В русской философии, которая суть философия антропологическая (в том числе религиозная), духовность связывается только с человеком, а Дух, как онтологическая основа духовности, имеет вполне конкретное бытие – как Божественный Дух. Поэтому духовность как в религиозной, так и во внерелигиозной интерпретации рассматривается в положительном проявлении. В этом принципиальное отличие от интерпретации ее западными философскими школами. Таким образом, духовность или есть, тогда человек духовен, или ее нет – и тогда он бездуховен. И еще одно чрез-

вычайно важное замечание. Большинство черт человека (если не абсолютно все) носят характер виртуальных и амбивалентных. Это означает, что они, в принципе, могут сформироваться в человеке и в такой форме, и с таким содержанием, что их можно интерпретировать в одном случае как признак духовности, а в другом как бездуховности. Например, милосердие есть добродетель, достойная всякого поощрения, несомненный признак духовности (хотя духовность, безусловно, не сводится только к милосердию). Однако, если она совершается не в духе добродетели, а лишь для того, чтобы окружающие видели, чтобы они этим публично восхищались, то такое милосердие не имеет никакой цены, поскольку такая форма милосердия – свидетельство бездуховности. Как, например, относиться к награде? Она некоторым людям нужна как побуждение к признанию, к нравственным поступкам, к дальнейшим инициативам. Награда всегда есть, она предстает в виде внутреннего осознания того, что человек поступил хорошо, и что его поступок будет иметь благотворные последствия, хотя люди не узнают о том, кто совершил этот поступок. То есть духовный человек награду «вручает» себе сам в

своем интимном внутреннем мире, и она выступает в форме самопризнания. Бездуховный человек стремится к тому, чтобы его за творимые благодеяния признал весь мир. Вывод на основе приведенного примера может быть следующий: всякая черта может быть истолкована в качестве признака духовности только в том случае, если она сориентирована нравственно, то есть если она добродетель. Нет абсолютных черт, исчерпывающих все содержание духовного мира, так как духовность – интегративное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих «образ человеческий» в каждом человеке.

В связи с приведенными аргументами необходимо осмыслить понятие «образ человеческий». В религиозной, конкретно – в христианской интерпретации – это образ Божий, данный человеку в акте творения. В интерпретации внерелигиозной – это образ, созданный культурой в процессе образования. Отсутствие этого образа в индивиде превращает его в безобразного, не имеющего образа человеческого. Трансформированное слово «безобразный» этимологически восходит именно к отсутствию образа человеческого. Поэтому в качестве негативного признака духовности

можно привести именно эмоционально, чувственно, рационально, интуитивно, субъектно воспринимаемую безобразность. Все безобразное (или без-образное) бездуховно, нечеловечно, противно, независимо от того, проявляется это во внешнем виде или поступках, поведении, потребностях и способах их удовлетворения, а также в искусстве, экономике или политической борьбе, в спортивных состязаниях.

Совершенно иной, но уже позитивный признак духовности можно сформулировать, отталкиваясь от представлений о Духе как субъекте духовности. Дух можно мыслить как невидимую силу, жизнедающую сущность, приводящую в движение все наше существо, устремляющую нас к определенной цели и выбирающую эту цель. Дух – это источник бесконечной энергии, но энергии, свободной от внешнего и внутреннего принуждения, свободной от человека. «Дух – субъект воли и носитель блага» (Вл. Соловьев); духу «доступна свобода, и его обуславливает свобода. Ибо дух есть сила самоопределения к лучшему. Дух есть сила, которая имеет дар усилить себя...» (И.Ильин). Поэтому есть основание полагать, что энергичная одаренность, волевая, целенаправлен-

ная реализация энергичного потенциала, а также деятельность, устремленная к высшей цели, к преодолению себя настоящего и движущаяся к себе лучшему, трансцендирующая устремленность в ее наиболее чистом и благом виде и независимо от сферы приложения есть верный признак человека, одаренного Духом. И наоборот, неспособность освободиться от разрушающих тело и душу страстей, дурных привычек, будь то пристрастие к спиртному, наркотикам, азартным играм или зависимость от трудного характера, взрывного темперамента и т.п. – все это также верные признаки человека, обделенного Духом, человека бездуховного. Отсутствие воли говорит об отсутствии волевых усилий, ибо воля есть феномен Духа; отсутствие нравственности говорит об отсутствии духовности, ибо Дух есть субъект блага. Вл. Соловьев определил духовность как способность к стыду, милосердию и благоговению к добру. «Стыжусь, следовательно, существую», – подчеркивал он, имея в виду существование подлинно человеческого. В связи с этим есть смысл напомнить, что способность к стыду как атрибут подлинно человеческого бытия выделяли Ч.Дарвин, Ф.Ницше, Г.Гегель. Стыд – свойство развитой

души, он возможен только на фоне индивидуальной духовной культуры. Стоит ли доказывать, что стыд ныне вытеснен из сферы духовной жизни, он осмеян, унижен, задавлен потоком рекламы, непристойным нашествием теле – и кинопродукции. Стыд – это качество духовно развивающегося человека: бесстыдство – верный признак бездуховности, разложения и гибели души. Стыд ныне не защищен, а потому священный долг педагога русской школы – беречь, ценить, поддерживать, выращивать малейшие проявления стыда у детей, подростков, молодежи.

К признаку духовности, фиксируемому с особой легкостью и надежностью, следует отнести и способность человека создавать вокруг себя атмосферу благожелательности, «ауру добра» (Д.С.Лихачев). Это качество является результатом приобретенной способности и природной одаренности концентрировать в себе духовную энергию и передавать ее окружающим, как бы одухотворяя их. Вряд ли можно отрицать существование таких взрослых личностей, встреча с которыми, как правило, знаменует определенный поворот, а может быть, переворот в духовном мире и в мировоззрении другого человека. Та-

кие люди встречаются довольно часто и безотносительно к уровню профессиональной образованности и культурной направленности. Ростки этих способностей возникают не вдруг, они выращиваются в детстве, в семье, в школе, в вузе опять же под влиянием мудрых, внимательных, великодушных, добрых собеседников с душой, способной вместить все.

Не следует акцентировать внимание только на признаках профессиональных, свидетельствующих о приверженности человека к каким-то формам духовной культуры – литературе, музыке, живописи, театру, науке, философии и т.д. Быть литератором, артистом, музыкантом, ученым – во все не означает быть духовно богатым, хотя как раз эти люди чаще всех говорят о своей одухотворенности. Среди них встречаются люди, духовно одаренные, но их не больше, чем среди активных поклонников и рядовых потребителей искусства и науки.

Культура сама по себе не духовна, она включает в себя разнообразные запреты, стандарты, практики и разделенные смыслы. Все это не обращено к идеалу, а лишь требует добросовестного усвоения, принятия, то есть образования. Культура есть только возможность еще большей культу-

ры (М.К.Мамардашвили). Духовность возникает в момент преодоления культуры, на рубеже этого преодоления, в результате использования предоставленной уже существующей культурой возможности. В этом случае недостаточно быть образованным артистом, музыкантом, литератором, ученым. Если довольствоваться достигнутым, то вся последующая жизнь превращается в процесс тиражирования усвоенных артефактов культуры, что является антиподом духовности. Духовность возникает в процессе стремления, улучшения, развития, придания новых, более высоких смыслов символам культуры, уже существующей. Это явление носит название творчества как несомненного, убедительного признака духовности. Не следует сводить феномен творчества только к новым открытиям, созданию значимых для общества произведений искусства и науки. Творчество для человека духовного – это способ его бытия. Творить вокруг себя ауру нравственного созидания является тоже творчеством. Например, чтение художественной литературы в одном случае может быть занятием высокодуховным, а в другом – чтение тех же произведений может быть обыденностью и пошлостью. Все дело в том,

что культура становится источником, основой духовности только в руках духовного человека, а «человек понимает тогда, когда уже понимает» (М.К.Мамардашвили). Обращению к духовности – творческому чтению может быть замечание о том, что: «Книги пишутся не для того, чтобы им верили, а для того, чтобы их обдумывали» (Умберто Эко). И только тогда они могут обогащать, возвышать, дополнять новыми смыслами.

Как известно, устремленность к высшему идеалу не исходит из внешних воздействий взрослых, она не исходит и из благоприятных условий или характера человека. Названные факторы – это лишь обстоятельства, благоприятствующие максимальной результативности настойчивых усилий человека по изменению, возвышению и совершенствованию себя. Истинный взрослый (воспитатель, родитель, учитель) способен увидеть, осмыслить (наделить смыслом) эти усилия, поддержать в каждом конкретном случае истинным неординарным поступком, сотрудничеством, участием, пониманием. Но что значит «совершенствоваться», «возвышаться»? Путь к духовному возвышению человека необходимо осмыслить не в плане поиска ответа на вопрос «как?»,

«как найти этот путь?», а в контексте того, «что представляет из себя этот путь?» То есть в плане опять же онтологическом. Можно вспомнить откровения Л.Н.Толстого в его «Исповеди»: важен сам путь, но не вершина. Другими словами, целью самосовершенствования на пути духовного возвышения является решение встать на путь совершенства и держаться этого пути, учитывая, что самый трудный путь – это непрерывный путь к себе и к себе лучшему, аристократичному. Более того, результатов здесь и не должно быть, так как осознание и довольствование достигнутым результатом на пути совершенства чревато падением духа. Интересны в этом смысле выводы из рефлексивной психологии В.А.Лефевра – современного русско-американского психолога. «Может ли у святого быть корректный образ самого себя? – ставит вопрос автор. – Нет, потому что если святой считает, что он святой, то он уже не святой. Сама святость предполагает некий дефект знаний, некоторую неадекватность. То есть совершенство человека достигается тогда, когда человек чего-то не знает, а не тогда, когда он все знает»³. Эту неадекватность в виде

3 Интервью с В.А.Лефевром // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 5.

парадокса хорошо выразил Августин: «Совершенство представляет собой знание человека о собственном несовершенстве». Парадокс в том, что осознание своего несовершенства – уже есть определенная ступень духовного совершенства. Ведь по сути дела, что из себя представляет воспитанный человек? Воспитанность взрослого человека – это способность осознавать меру своей невоспитанности. И наоборот. В интервью с одним из довольно успешным бизнесменом им было замечено следующее: продуктивно работающий человек каждый день хотя бы пять минут бывает дураком. И дело не в том, чтобы доказывать обратное, а в том, чтобы не расширять пределы собственной глупости. В свое время, исследуя проблему феномена свободы, нами выдвигалась идея об осознании человеком меры своей несвободы как ступени продвижения к свободе. Отсюда вытекает и еще один вывод: возникновение стремления к самосовершенствованию возможно лишь на основе хотя бы минимального совершенства. То есть это стремление может возникнуть только внутри пространства культуры и само по себе представляет проявление уже в такой-то мере субъекта духовной активности. Откуда же у человека воз-

никает этот минимальный уровень духовности, необходимый для начала духовного возвышения? Этому есть онтологическое объяснение. Всякий человек несет в себе идеальный образ высшего Существа, Универсума, Абсолюта, независимо от социальной и философской позиции. Тенденции предрасположенности к решимости соотнести себя с образом совершенного человека и стать на путь совершенства в каждом присутствуют априорно. Все дело в дальнейшей судьбе этой реальной решимости, то есть будет ли она поддержана, попадет ли она в благодатную почву, особенно в раннем возрасте – именно от этого зависит дальнейшая судьба духовности как непрерывного стремления к совершенству. Таким образом, решимость встать на путь совершенства – важнейший этап духовной эволюции человека. Эта решимость предполагает осознание и осмысление своего отношения к высшим ценностям – Добру, Великодушию, Красоте, Справедливости, Честности, Совестью, Свободе и др. Решимость осознается, осмысливается и воспринимается императивно – как требование, предъявляемое извне, – от общества, культуры, другого человека, Бога, Абсолюта – это зависит от религиозной, философской

позиции – как требование именно лично к каждому, как собственное задание. И в этом случае возникает сначала неосознанно, а затем все более явственно представление о смысле жизни как духовном самовозвышении, самореализации. На одном из круглых столов сформулировалась интересная своеобразная идея: цель духовного воспитания становится святым – и не мешать Богу это с нами делать.

Вместе с тем включение в духовное бытие какого-либо требования извне, императива, личного задания непременно порождает момент ограничения, аскезы, а может быть, переживания и страдания. В этом смысле страдание не следует воспринимать как результат причиненного физического или нравственного ущерба личности. Его нельзя отрывать от сострадания как универсального отношения к миру, из которого проистекает заповедь любви к ближнему. Современный человек может искренне страдать от осознания несовершенства мира, социума, от несправедливости и жестокости, творящихся в мире. Но не всякое страдание и не у всякого человека становится моментом духовного возвышения, на что обратил внимание еще Ф.Ницше. В общем оценивая страдание как средство к величию души, он

отвергал страдание как депрессивное состояние, умаляющее ценность жизни. Экзистенциализм возвеличивает страдания, посредством которого, с его точки зрения, только и открывается структура «подлинного бытия». Страдание способно вызвать недовольство собой, чувство вины перед собой же и соответственно желание перемены. Мету страданий определить невозможно, поскольку именно в результате пережитого страдания приходит осознание своего несовершенства как причины страданий.

Путь духовного возвышения – это непрерывный путь самоограничения, путь сознательного противодействия «слабостям души», «искушениям плоти», жертвенного изменения себя, этот путь явление аскезы. На этом пути как взрослых, так и молодежь подстерегают огромные искушения и опасности. Юность склонна к крайностям, к практике фанатичных форм аскезы, ведущим к умерщвлению плоти, поскольку духовность – не альтернатива плоти; духовность противоположна не плоти, а неуправляемому хаосу возбужденных инстинктов, не физическому телу, а иллюзиям и суррогатам чувственности, «мистике тела» (Н.А.Бердяев). Духовность – опосредствующее нача-

ло между интеллектом и инстинктом. Духовное возвышение нуждается не в умерщвлении, а в ограничении, в духовной мере относительно движений души и тела. В этом случае продуктивность аскетизма и самодисциплина совпадают по содержанию.

Адекватному пониманию и практикованию аскетической позиции (аскезы) способствуют следующие ее особенности как одного из средств самостроительства человека. Самоиспытание, самоотверженность должны принять характер ритуала, но не характер самооценности. Человеку, ставшему на путь одухотворенности, важны не упражнения и ритуал, а те высшие ценности, ради которых практикуются и совершаются ограничения. Или: любое действие по ограничению себя должно непременно соотноситься с теми высшими ценностями, ради которых эти ограничения принимаются. Важно не само ограничение, а то, от чего отказывается человек, так как меру отрешенности человек устанавливает себе сам, хотя подрастающий человек может воспользоваться советом взрослого человека. Вместе с тем духовная ценность отрешенности исчезает в случае нарушения, отказа от своих обязанностей по отношению к ближним, даже если этот отказ обуслов-

лен требованиями аскетизма. То есть аскетизм, самоограничение не отменяет сострадание, отрешение от благ и страстей несовместимо с бесстрашием вообще. Аскетизм как этический принцип универсален и вменяется каждому в определенной мере. Этот принцип самостроительства человека, это есть принцип духовного бытия. Большим заблуждением выглядит представление о пути духовного возвышения вне ограничения себя в субъектных проявлениях. Этот принцип означает сохранение самообладания ради более совершенного содействия добру. Духовное возвышение предполагает не только совершенствование в себе того, что уже есть, что дано природой, возвышение предполагает обновление, то есть обретение новых качеств, реализующих человека в ином, новом отношении, вновь и вновь открытие себя. Это еще раз обращает нас к проблеме «надличности» как универсальной способности человека к неограниченному саморазвитию, обретению все новых и новых духовных качеств. Идея «обновления» имеет онтологическое основание: человек в каждое данное мгновение является только частью себя, но в этой части сквозит и проявляется всё потенциальное. Любое культурное усилие – это усилие преодолеть

«частичность», «догнать» себя, стать собой, заниматься своим внутренним миром, как предметом. Без обновления человек впадает в повседневность, что означает движение к бездуховности. Обновление – это постоянное возвышение себя, а также возвышение всего того, с чем сопряжена жизнь человека. В практическом плане идея обновления выступает как призыв к свершению того, что не свершается естественным путем, к преодолению неуверенности в себе и незнания себя. Факт обновления в форме обретения новой способности к труду, к творчеству, новой профессии, новых талантов – в целом факт онтологический, это всегда встреча с самим собой, которого человек не знал. Каждый шаг на этом пути открывает необозримые горизонты перед личностью в смысле все новых открытий себя. Это актуально особенно в наше время, когда способность менять профессию, каждый раз находить новые предметы приложения своих сил выступает и средством выживания, и средством сохранения человеческой личности. На пути духовного возвышения возможны «сбои» в форме приступов и рецидивов гордыни, самодовольства – наиболее ярких антиподов духовности. Поэтому самосовершенствование предполагает определенное смирение. В конечном

итоге это не скептицизм и малодушие, не самоуничижение, это нравственная добродетель. Это способность к реальной оценке своих возможностей и, главное, постоянное осознание своего несовершенства. Единственный «симптом» приходящих успехов на пути духовного возвышения – это все более глубокое осознание своего несовершенства. Этот «симптом» имеет форму стыда как показателя неприятия себя. Но неприятия не всего себя, а лишь той части, которая вызывает стыд за те или иные поступки, надеяния, желания. Ощущение стыда выводит человека на осуждение себя, на решимость не совершать в будущем того, что ныне обуславливает стыд за прошлое. Эта форма духовного опыта лежит в плоскости переосмысления и критического анализа собственных деяний человека. Это как своеобразное покаяние, есть попытка осуждения себя, решимость освободиться от каких-либо слабостей, но это и шаг к самовозвышению. Вместе с тем опыт покаяния нуждается в адекватной оценке. Дело в том, что человеку духовному, в силу непрерывного духовного возвышения, свойственно рефлексивно относиться к прошлому. Стыд за прошлое – вовсе не показатель греховности, а показатель духовного роста человека по сравне-

нию с прошлым, и поэтому покаяние – удел духовно богатого человека.

Заключение

Онтология духовного возвышения – это практическая задача процесса образования, воспитания и просвещения. Оно опосредовано различными моментами духовного опыта – пониманием и взаимопониманием людей, диалогом, мышлением, любовью, дружбой, расположенностью, заботой, выбором и самоопределением. Все это и составляет то пространство, в котором обретают свой статус, наполняются содержанием, принимают форму, смысл, ценность, цель и предмет всякие педагогические и андрагогические усилия взрослых (педагогов, родителей, учителей). Говоря научным языком, все это составляет мир духовного опыта, в котором бытий-

ствует образовательная действительность, включающая, с одной стороны, педагогику бытия как науку и практику, а с другой – ценностно-смысловое, функциональное, целевое и предметное поле педагогики бытия. И теперь уже в педагогике бытия, или педагогике смысла, предметом педагогической науки становится не процесс обучения, воспитания и развития подрастающего человека, а актуализирующиеся «духовные скрепы» жизнедеятельности человека, вовлеченного эти процессы. Таким образом, предмет современной педагогической науки расширяется за счет включения идей новой философии воспитания, направленной на феномен духовности как ценности понимания, совместного проживания ситуаций, проявлением соучастия и сочувствия, постижением человеческих отношений посредством события.

Библиография

1. Актуальные проблемы современного образования в постсоветском пространстве. Сборник научных трудов и материалов IV Международной научно-практической конференции. – Тюмень, 2012. – 368 с.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
3. Буюева Л.П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 75.

4. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. – М.: МГУ, 1984. – 200 с.
5. Горшкова В.В. Аксиологический фактор в процессе инновационного развития образования // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 51-60.
6. Горшкова В.В. Диалог в образовании человека. – СПб.: СПбГУП, 2009. – 192 с.
7. Горшкова В.В. Образование взрослых в контексте культуры: феноменологический аспект // Педагогика. – № 7. – 2011. – С. 43-48.
8. Данилюк А.Я., Кондаков А.М. Развитие человеческого потенциала средствами воспитания и социализации в условиях модернизации России // Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 3-14.
9. Зинченко В.П. Размышление о душе и её воспитании // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 119-136.
10. Интервью с В.А.Лефевром // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 5.
11. Лузина Л.М. Человек в проблемном поле воспитания: монография. – Псков, 2008. – 288 с.
12. Никандров Н.Д. Российская национальная идея – основа воспитания // Воспитание духовности и патриотизма: диалог концептуальных идей. – Петрозаводск, 2010. – С. 4-7.
13. Русакова Т.Г. Становление духовного опыта личности // Педагогика. – 2009. – № 2. – С. 32-38.
14. Философско-культурологические проблемы идентичности в контексте современности // Материалы международной конференции «Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации». – СПб., 2010. – С. 354-356.

The phenomenon of Russian spirituality in the context of modern education and training

Gorshkova Valentina Vladimirovna

Full Doctor of Pedagogical Sciences, professor,
dean of the faculty of culture, head of the department of social psychology,

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
P.O. Box 192236, Fuchika str., No. 15, St. Petersburg, Russia;
e-mail: vvgorshkova@yandex.ru

Abstract

The article describes metaphysical aspects of the phenomenon of spirituality, discloses methods of manifestation of spiritual experience in the life of a particular person, presents reasons of methodological unavailability of modern pedagogical community to work on the formation of spiritual culture, shows methods of subject spiritual activity influence on the freedom of its determination to the best, the highest and aristocratic.

The ontology of spiritual elevation is a practical issue of the process of education, upbringing and enlightenment. It is mediated by different moments of spiritual experience – peoples understanding and sympathy, dialogue, thought, love, friendship, location, care, choice and self-determination. All this create that space, in which all sorts of pedagogical and andragogical efforts of adults (pedagogues, parents, teachers) gain its status, fill with content, take the form, meaning, value, purpose and object. Scientifically speaking, all this constitute the world of spiritual experience in which prevail the educational reality, including, on the one hand, the pedagogy of being as a science and practice, and on the other – the value-semantic, functional, purposeful and substantive field of the pedagogy of being.

Ключевые слова

Phenomenon of Russian spirituality, spiritual experience of a human being, new philosophy of education, person as a subject of spiritual and practical life.

References

1. Berdyaev, N.A. (1993), *The Destiny of Man [O naznachenii cheloveka]*, Respublika, Moscow, 383 p.
2. Bueva, L.P. (1996), "Spirituality and issues of moral culture" ["Dukhovnost' i problemy npravstvennoi kul'tury"], *Voprosy filosofii*, No. 2, p. 75.
3. Danilyuk, A.Ya., Kondakov, A.M. (2011), "Human development by means of education and socialization in the context of modernization of Russia" ["Razvitie che-

- lovecheskogo potentsiala sredstvami vospitaniya i sotsializatsii v usloviyakh modernizatsii Rossii"], *Pedagogika*, No. 1, pp. 3-14.
4. Gorshkova, V.V. (2009), *Dialogue in the education of a man [Dialog v obrazovanii cheloveka]*, SPbGUP, St. Petersburg, 192 p.
 5. Gorshkova, V.V. (2011), "Adult education in the cultural context: phenomenological aspect" ["Obrazovanie vzroslykh v kontekste kul'tury: fenomenologicheskii aspekt"], *Pedagogika*, No. 7, pp. 43-48.
 6. Gorshkova, V.V. (2011), "Axiological factor in innovative education development" ["Aksiologicheskii faktor v protsesse innovatsionnogo razvitiya obrazovaniya"], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 2, pp. 51-60.
 7. "Interview with V.A. Lefebvre" ["Interv'yu s V.A.Lefevrom"], *Voprosy filosofii*, 1991, No. 7, p. 5.
 8. Luzina, L.M. (2008), *Man in the problematic field of education: monograph [Chelovek v problemnom pole vospitaniya: monografiya]*, Pskov, 288 p.
 9. Nikandrov, N.D. (2010), "Russian national idea – the basis of education", *Spirituality and patriotism education: dialogue of conceptual ideas* ["Rossiiskaya natsional'naya ideya – osnova vospitaniya"], *Vospitanie dukhovnosti i patriotizma: dialog kontseptual'nykh idei*, Petrozavodsk, pp. 4-7.
 10. "Philosophical and cultural issues of identity in the context of modernity", *Proceeding of the international conference "Cultural identity of young people in the context of globalization"* ["Filosofsko-kul'turologicheskie problemy identichnosti v kontekste sovremennosti"], *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Kul'turnaya identifikatsiya molodezhi v usloviyakh globalizatsii"*, St. Petersburg, 2010, pp. 354-356.
 11. *Relevant issues of modern education in the post-Soviet space. Collection of scientific works and materials of the IV International Scientific Conference* [Aktual'nye problemy sovremennogo obrazovaniya v postsovetskom prostranstve. Sbornik nauchnykh trudov i materialov IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii], Tyumen, 2012, 368 p.
 12. Rusakova, T.G. (2009), "The development of personal spiritual experience" ["Stanovlenie dukhovnogo opyta lichnosti"], *Pedagogika*, No. 2, pp. 32-38.

-
13. Vasilyuk, F.E. (1984), *Psychology of emotions: an analysis of overcoming critical situations* [*Psikhologiya perezhivaniya: analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii*], MGU, Moscow 200 p.
 14. Zinchenko, V.P. (2002), "Thinking about the soul and its education" ["Razмышlenie o dushe i ee vospitanii"], *Voprosy filosofii*, No. 2, pp. 119-136.